

БУДДИЗМ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)¹

В статье обсуждается проблема взаимоотношений институализированного буддизма с российским государством и православной церковью в позднеимперский период. Анализируются различные аспекты истории межрелигиозного противостояния на материалах Бурятии.

Ключевые слова: буддизм; православие; Российская империя; идентичность; религиозная конкуренция.

Amogolonova Darima Dashievna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

BUDDHISM IN RUSSIAN POLITICAL PRACTICES (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

The paper deals with the problem of relationship between institutionalized Buddhism, the Russian state and the Orthodox Church in the late imperial period and analyzes various aspects of the history of interreligious confrontation on the materials of Buryatia.

Keywords: Buddhism; Orthodoxy; Russian Empire; identity; religious competition.

История существования буддизма в Российской империи характеризуется беспрестанным стремлением государства и православной церкви ограничить деятельность буддийского духовенства среди бурят и калмыков, чтобы уменьшить и в дальнейшем прекратить его влияние полностью. Например, в 1866 г. министр народного просвещения Д. А. Толстой обратился в канцелярию Обер-Прокурора Святейшего Синода с предложениями об усилении православных миссий среди калмыков: «вот уже полтора века, как народ этот живет между русскими и православными, и в течение столь долгого времени просвещение едва его коснулось, а Церковь вовсе не просветила Христианством. <...> нужно предвзительно уменьшить число ламайского духовенства, до того здесь распространенного, что на каждые 72 души приходится по одному духовному лицу. <...> бездействии Церкви и православного правительства внутри самой империи, конечно, не может продолжаться бесконечно, и христианство должно наконец взять верх над язычеством, иначе религиозная пропаганда может последовать со стороны смежных с калмыками киргизов, исповедующих веру магометанскую» [Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 36. 2 отд. 3 ст. Ед. хр. 249].

В отношении бурят преследовались сходные цели. Законодательным основанием считалось «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» (1853 г.). Примечательно, что хотя Положение носило запретительный характер, православное руководство было им недовольно, полагая, что оно дает буддийскому духовенству чрезмерно большую свободу. А поскольку данное Положение никогда не было принято в качестве закона, то и православные деятели, и светские чиновники прилагали усилия не только для его безоговорочного выполнения, но и для его изменения в сторону ужесточения мер против буддизма. Так, Верхнеудинский окружной начальник издал специальное распоряжение для Хоринской степной думы и участковых приставов, в котором, в частности, говорится следующее: «§ 41 Положения о ламайском духовенстве ламам предоставлено

в районе своих приходов с разрешения ширетуев для исполнения духовных треб, как то: молитв при рождении, смерти и браков, по § 1 циркуляра Главного управления Восточной Сибири <...> безусловно запрещает какое бы то ни было богослужение вне дацанов. <...> До меня доходят слухи, что не только местные ламы совершают идолослужение вне дацанов, но даже и выходцы из Монголии, чего во всяком случае не должно быть допускаемо и терпимо. <...> Иметь постоянное неослабное наблюдение, чтобы означены закон не нарушался и в случае обнаружения такого нарушения своевременно составлялись протоколы дознания, которые представлять ко мне для ходатайства о лишении лам духовного звания, а монгольских выходцев ко водворению из Забайкалья» [Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 310].

Подавление буддизма преследовало конечную цель, состоявшую в христианизации всех бурят, поскольку считалось, что только православие, государственная религия империи, обеспечивало патриотизм и лояльность. А буддизм, равно как и иные «иностранные» религии, подозревался в том, что мог служить проводником идеологического влияния из-за границы. Тактические же действия подразумевали недопущение расширения буддийской проповеди среди предбайкальских бурят-шаманистов и препятствование укреплению позиции буддийского духовенства в Забайкалье.

Расширение социальной базы буддизма происходило благодаря мероприятиям, направленным на искоренение шаманизма, тогда как первоначально мыслилось, что именно шаманисты должны были стать основной массой новообращенных в православие. А в реальности западные, предбайкальские, буряты-шаманисты довольно активно воспринимали буддизм, даже если ранее были окрещены. Выполнявшие задачу крещения видели причину такого положения вещей в том, что инородцы, новообращенные в православие, в действительности не становились христианами. В своем «Отчете о состоянии Епархии в 1861 г.» Иркутский епископ Парфений признается, что крещение бурят за-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», № 14-18-00444.

частую носит формальный характер: «Большая часть их знают христианство только по имени» [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51].

Выяснение причин сложностей в проведении крещения приводило к выводам о том, что христианство связано с земледелием, распространению которого среди бурят препятствуют «климатические влияния, не позволяющие развиваться главному занятию оседлого населения — хлебопашеству, отчасти их собственная неразвитость и наконец неблагоприятные в этом отношении влияния ламайского духовенства». И если переход к оседлым формам хозяйствования, как в 1868 г. высказался в своем отчете генерал-губернатор Восточной Сибири М. с. Корсаков, это неизбежное следствие сокращения территорий для кочевничества и охоты, то административные меры могут ускорить христианизацию: «Деятельность же местного начальства состоит только в устранении могущих тому препятствовать искусственных влияний и в содействии распространению между ними христианского учения, которое наилучшим образом служит развитию их в гражданском отношении и поднятию между ними уровня нравственных понятий. Как на условие, способствующее искусственным образом отчуждению инородцев от оседлой жизни, должно указать на влияние ламайского духовенства и на действующее ныне положение о инородцах, которое, предоставляя им весьма важные преимущества и льготы по землевладению и несению государственных повинностей, ставит их в исключительное перед русским населением положение и как бы поощряет их кочевое состояние. А потому было бы желательно подчинение инородцев общим действующим в Российской Империи законам и устранение влияния лам, посредством распространения в среде инородцев христианской религии» [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 431].

По сравнению с буддизмом, шаманизм представлялся властям значительно меньшим злом, поскольку Положение 1853 г. существенно укрепило позиции буддийского духовенства, наделив его организационным единством и возможностями для проведения агитации, тогда как «до того времени обязанности духовенства для наших бурят исполняли так называемые шаманы или чародеи, кудесники, не имевшие и доселе не имеющие никакой организации в смысле особого привилегированного, сплоченного, имеющего свою иерархию сословия и потому гораздо менее вредные, чем ламы. И для нашего общества гражданского, и для распространения христианства» [Там же. 412].

В 1886 г. в Восточную Сибирь был командирован князь Э. Э. Ухтомский для выяснения, насколько точно буддистами выполняются статьи Положения. В отчете «Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним», позже представленном Э. Э. Ухтомским в Министерство иностранных дел, анализируется состояние буддийской религии среди бурят, дается критика государственной политики по отношению к буддистам и предлагаются меры для того, чтобы противодействовать ламству, «не прибегая к резким мероприятиям, напротив, искусно пользуясь его же собственными неразумными желаниями и слабостями» [Материалы по истории, 2011, с. 167]. Э. Э. Ухтомский отмечал, что огосударствление буддийской церкви и упорядочивание ее структуры происходило вследствие ошибочной политики административных органов, что привело к укреплению позиций буддизма: «Дацаны за честь считали стоять как за каменной стеной под защитой различных

правительственных распоряжений и дозволений. В этом они издавна видели свой важнейший оплот <...> Доказательством правоты перед начальством являлся целый арсенал прежде дарованных льгот и удовлетворенных ходатайств. <...> Почти с уверенностью можно высказать, что если бы дацаны не сделались так рано центрами ламской пропаганды, инородцы не подпали бы скоро под иго могущественнейшей из языческих религий» [Материалы по истории, 2011, с. 176–178].

Следует отметить, что предбайкальские буряты-шаманисты не поддавались не только христианизации: проповедническая деятельность буддистов тоже не была особо эффективной. По этому поводу бурятский национальный лидер Михаил Богданов в журнале «Сибирские вопросы» писал, что агитация А. Доржиева и Ц. Жамцарано среди западных бурят по переходу в буддийскую веру не была успешной, поскольку, по мнению местного населения, необходимо почитать своих духов, с которыми остаешься, когда уважаемые буддисты уезжают [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 394].

Решение об изъятии духовных дел ламаитов Иркутской губернии из ведения хамбо-ламы, утвержденное Александром III 7 июля 1889 г., стало следствием стремления и светских, и духовных властей оградить прибайкальских бурят — основного объекта окрестительной политики — от забайкальских буддийских священнослужителей во главе с хамбо-ламой: «сосредоточение власти в руках одного главного ламы придает силу и значение ламской пропаганды среди местных язычников и препятствует распространению между ними христианства» [Материалы по истории, 2011, с. 100].

Между тем, и государственные чиновники, и здравомыслящее православное духовенство понимали, что одними лишь запретами и стараниями окрестить язычников добиться снижения влияния буддизма на бурят было невозможно. Поэтому на протяжении второй половины XIX в. предпринимаются попытки сближения православных с носителями бурятской культуры. Еще в 1850-е гг. иркутский епископ Евсевий сформулировал предложения о квалифицированной православной проповеди среди бурят на их родном языке, чтобы иметь возможность парировать такие, например, аргументы со стороны буддистов в лице Цяряна Тухаева, главы Куйтинского инородческого ведомства: «Что я <...> буддист — это правда; но я не стыжусь этого, потому что моя религия учит любить ближнего, творить добро, говорить правду, не клеветать и проч. Чем я мог помешать делу православной миссии?» [АВ ИВР РАН. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 13].

Этой цели могли послужить высокообразованные молодые люди, получившие высшее или среднее образование в семинарии, а также полное миссионерское и университетское образование по монгольскому языку; в их число предлагалось включить не только русских, но и детей крещеных бурят [РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 275]. Епископ Евсевий полагал, что только так миссионеры могли бы доказывать преимущества христианского учения по сравнению с буддизмом, поскольку вели бы проповедь среди бурят-буддистов на их языке и в терминах их культуры.

Парфений, Иркутский епископ, занявший этот пост в 1860 г., в 1861 г. предпринял большое путешествие по епархии. Одной из целей его поездки было выяснение, как буряты относятся к православию, каковы причины противодействия крещению и миссионерским проповедям, а также поиски «людей как христиан, так и инородцев, которые могли бы оказать возможное содействие

при обращении инородцев в христианство» [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51]. «Для пособия в наблюдении над инородцами» и для установления лучшего контакта с буддистами Парфений пригласил в спутники миссионера протоиерея Доронтьева – бурята и бывшего буддийского ламу, который оказался полезен для успеха миссионерских проповедей, лично обратив в православие более 50 человек и оказав помощь в составлении проекта об образовании миссий [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51].

Выдающийся востоковед А. М. Позднеев, знаток монгольской и бурятской культуры и сторонник необходимости христианизации инородцев, полагал, что для обращения инородцев в православие следует придерживаться принципа убеждения. Он так же, как и епископ Парфений, полагал, что миссионерская деятельность недостаточно эффективна вследствие того, что миссионеры не стремятся овладеть бурятским языком и культурой, поэтому и не способны убедить инородцев в превосходстве христианства над буддизмом. Выступая в 1895 г. перед студентами Миссионерского института, А. М. Позднеев убедительно советовал им овладевать знаниями о бурятской культуре и таким образом достигать внимания и доверия со стороны бурят.

Характеризуя предшествующее состояние миссионерства, А. М. Позднеев отметил, что даже при наличии большого желания усилия были безрезультатными: «Служители Христа, отправляясь к языкам (язычникам. – Д. А.), прилагали всевозможное старание к просвещению их светом Евангельского учения; но что могли они сделать, прежде всего при недостаточности своих знаний относительно языка, верований и быта инородцев?» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 125].

Для убедительности он прибегнул к авторитету Евангелия от Матфея: «Заботясь наипаче о заблудших, горохищивых <...> овцах дома своего, Православная Церковь никогда не забывала и второго завета Господа: “научите вся языки”. <...> насаждение веры христовой среди язычников составляет непрерывную заботу России, хотя поистине беспримерный в истории челове-

ства политический рост нашего отечества и поставлял непреодолимые препятствия к желаемому в рассматриваемом отношении успеху» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 125].

Именуя буддизм предметом борьбы будущих миссионеров, А. М. Позднеев советовал разъяснять «несостоятельность его учений» путем изучения не буддизма в целом, а его центрально-азиатской формы, поскольку «учения Будды и Цзонхавы исходили не только из различных, а даже противоположных основ, оттого доктрины их установились на совершенно различных началах и в развитии своем достигли того, что конечные цели одного вероучения почти совершенно игнорируются другим» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 125].

Последнее замечание имеет важный смысл в контексте исследования отношений между буддизмом и православием. А. М. Позднеев указывает на необходимость ознакомления не только с догматическими основами буддийской религии, но и со всей совокупностью конкретных религиозных представлений и практик, формирующих этническую картину мира и, что важно, политические представления о миропорядке. Следовательно, изучение буддийской религиозной культуры, содержащееся в призывах А. М. Позднеева, подразумевало для него сближение между этнокультурными общностями и дальнейшей, как он предполагал, религиозной гомогенизацией, под которой подразумевалось православие – оплот российской идентичности.

При этом, несмотря на весьма болезненный процесс становления и укрепления буддийской общины в условиях действия запретительных законов, институализированный буддизм в Бурятии выказывал и доказывал свою лояльность империи и воспитывал в своих последователях верноподданнические чувства к монархии и государству. Таким образом, буддийская религиозная идентичность бурят стала неотделимой от идентичности российской.

Литература

Материалы по истории буддизма в Забайкалье XIX – нач. XX вв. / сост. и авт. введ. Н. В. Цыремпилов. Улан-Удэ-СПб., 2011 // URL: <http://imbtarchive.ru/index.php?topic=10> (дата обращения: 10.10.2017).